

Е. В. Пашков

Антиалкогольная кампания в Рязанской губернии в 1914–1917 гг.

Автор освещает реализацию антиалкогольной кампании в Рязанской губернии января 1914–1917 гг. Выявлена ее специфика в данном регионе, а именно: наиболее радикальный ее характер, выразившийся в наивысшем по стране проценте закрытых с марта по август 1914 г. под давлением губернатора питейных заведений. Приводятся интересные подробности разгрома Касимовского казенного винного склада.

Ключевые слова: борьба с шинкарством, губернатор, управляющий акцизными сборами, тайное винокурение, акцизный надзор, казенный винный склад.

E. Paskov

Antialcoholic campaign in Ryazan Province in 1914–1917

The paper describes the implementation of antialcoholic campaign in Ryazan Province in 1914–1917 and its specificity, namely: its most radical character leading to the highest percentage of public inns closed under the pressure of the governor in the period from March till August 1914. Interesting details of the defeat of the Kasimovsky state wine warehouse are highlighted.

Keywords: Struggle with tavern keeping, governor, excise duties manager, secret distillation, excise supervision, state wine warehouse.

17 марта 1914 г. под председательством управляющего акцизными сборами В. Г. Мартынова прошло совещание чинов Рязанского губернского акцизного управления (РГАУ) «О мерах борьбы против шинкарства [незаконной торговли водкой. — *Е. П.*]» «По обсуждению возбужденного циркуляром г. управляющего Министерством финансов от 11 марта с. г.* ... вопроса о борьбе с шинкарством, совещание, выработав меры, какие чины акцизного надзора должны принимать к преследованию шинкарей... постановило: издать по сему предмету особый циркуляр и преподать в нем меры к борьбе с шинкарством, выработанные на совещании» [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 1].

24 мая начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей (ГУНСиКПП) уведомил В. Г. Мартынова: о том, что МВД «...высланы во вверенное вам акцизное управление печатные экземпляры украшенного портретом его величества государя императора высочайшего рескрипта от 30 января с. г. ... Ввиду запро-

са некоторых управляющих акцизными сборами о назначении упомянутых экземпляров высочайшего рескрипта считаю нужным уведомить вас, что, согласно циркуляру [МВД губернаторам]... от 18 марта с. г. за № 15 означенные экземпляры предназначены для широкого ознакомления сельского населения с содержанием изложенного в них рескрипта. В соответствии с этим [С. С. Хрипунов предложил Мартынову]... выставить указанные листы с рескриптом на видных местах в помещениях губернского, окружных и участковых акцизных управлений и в конторах казенных винных складов, а остающиеся затем экземпляры распределить по имеющимся в районе вверенного вам акцизного управления учреждениям попечительств о народной трезвости для соответствующего распространения в населении» [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 107–107 об.].

22 марта в исполнение постановления вышеуказанного совещания Мартынов издал циркуляр чинам РГАУ, в котором прика-

зал высланный одновременно с последним циркуляр министра финансов от 11 марта «принять к немедленному и неуклонному исполнению и руководству. При этом... всем чинам акцизного надзора [преподал] следующие указания: ... выяснить через опрос продавцов и сборщиков или другим каким путем те селения, в коих замечается более усиленное шинкарство и обратить строгое внимание на такие селения с целью преследования шинкарей; В городах в дни базарные и ярмарочные должны принимать участие в надзоре за шинкарством все чины акцизного надзора, независимо от районов их участков, лишь бы данное лицо было свободно от других срочных занятий; Поручить всем чинам акцизного надзора вести памятные списки лиц, подвергнутых взысканию за тайную торговлю крепкими напитками...» [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 15–15 об.].

Нами выявлено расхождение позиций губернатора и управляющего акцизными сборами по вопросу выполнения рескрипта от 30 января и циркуляра Барка от 11 марта: Мартынов понимал задачи, прописанные в последних, более узко, а именно — как борьбу с незаконной торговлей водкой; Оболенский же — как борьбу с пьянством, которую трактовал очень радикально. 28 марта он выпустил циркуляр земским начальникам и волостным старшинам, в котором приказал им оказывать давление на сельские общества, чтобы они принимали приговоры о закрытии в их селениях питейных заведений [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 3].

16 мая губернатор направил циркуляр земским начальникам, в котором сообщил о нескольких жалобах на излишнее давление со стороны сельских должностных лиц на сельские сходы по вопросу запрещения питейной торговли и приказал внушить волостным старшинам «о недопустимости какого-либо давления на участников схода и о необходимости строго проверять законность его состава» [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л.

34]. 12 мая управляющий акцизными сборами донес начальнику ГУНСиКПП о том, что закрытие питейных заведений «...по приговорам сельских обществ... идет с крайне спешной быстротой...» [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 71].

В итоге к 1 августа в Рязанской губернии осталось только 123 казенных винных лавки, из которых 40 было городских и 83 — сельских [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 151] — при том, что к началу антиалкогольной кампании имелось всего 495 лавок [1, ф. 143, оп. 53, д. 25, л. 197–203], из которых 390 — сельских [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 71 об.]. Таким образом, всего было закрыто 75% лавок, и 79% — сельских, что, скорее всего, являлось рекордным показателем в стране.

В письме от 24 августа рязанский губернатор вначале напомнил министру финансов Барку: «телеграммой от 9 сего августа вашему высокопревосходительству угодно было предложить мне обсудить в совещании из представителей местных правительственных, земских и городских учреждений и других лиц вопрос, следует ли во вверенной мне губернии сохранить воспрещение продажи питей доле 1 сентября. Во исполнение сего предложения, — докладывал Оболенский, — 15 августа я воспользовался созванным мной съездом городских голов губернии с представителями местной торговой промышленности по вопросам принятия мер к предотвращению непомерного возвышения цен на продукты продовольствия и предложил означенному совещанию высказаться по предложенному вашим высокопревосходительством вопросу.

...Несмотря на то, что в числе лиц, находившихся на совещании, были лица, заинтересованные в скорейшем разрешении приостановленной торговли вином, совещание пришло к твердому убеждению о необходимости дальнейшего запрещения всякой продажи водки, водочных изделий и пива и за разрешение только торговли виноградными винами в ренсковых погребах, в буфетах общественных собраний и в гости-

ницах 1 и 2 разрядов, — на все время войны. Но если где уже состоялись или в будущем состоятся постановления городских дум о полном прекращении виноторговли, то в тех городах торговля вином производиться не должна. Не ограничиваясь, однако, этим совещанием, я привлек 21 августа к обсуждению настоящего жгучего вопроса представителей всего населения губернии, как то: предводителей дворянства, председателей земских управ, представителей духовного, военного, судебного, железнодорожного, акцизного и других ведомств, а также представителей всякого рода крупной торговой промышленности в губернии, непосредственно соприкасающихся с обыденной жизнью массы трудового люда, как значительного потребителя винных напитков. Вопрос о необходимости продолжения запрещения на все время войны торговли водкой, водочными изделиями и пивом в настоящем совещании не только не встретил каких-либо возражений, но был единодушно принят в смысле признания чрезвычайно полезным и необходимым продолжения этого запрещения. Что же касается вопроса о разрешении торговли виноградными винами, то за него высказалось весьма незначительное число членов совещания, и при том, только за разрешение слабых виноградных вин. Мысль эта, однако, была отвергнута подавляющим большинством членов. И, таким образом, совещание признало необходимым полное запрещение всякой торговли вином на все время военных действий, допустив как исключение возможность отпуска из ренсковых погребов и оптовых складов красного виноградного вина для надобностей церквей и прочих вин, водки и спирта — для надобностей аптек, больниц и вообще для лечебных целей. ... С своей стороны, я вполне разделяю высказанные мнения совещания...» [2, ф. 575, оп. 6, д. 843, л. 70–71]. Основываясь на постановлении данного совещания, 6 ноября губернатор издал соответствующее обязательное постановление [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 219].

К 1 января 1915 г. в Рязанской губернии действовало 18 казенных винных лавок, продававших денатурат, из них 15 городских и 3 сельских [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 218].

В циркулярном обращении губернатора от 2 июня 1914 г. ко всем городским управам Рязанской губернии Оболенский признавал, что «...закрытие заведений трактирного промысла вызовет уменьшение прихода в кассах городских управлений...», но он высказал полную уверенность, что «...вопрос этот не получит предпочтения не только на благо местного населения, но и всей родины пред вопросом предотвращения угрожающего народного бедствия от развивающегося пьянства» [1, ф. 143, оп. 53, д. 2, л. 23 об.].

6 из 12 дум губернского и уездных городов Рязанской губернии приняли антиалкогольные ходатайства; и 7 уездных земств из 12 [подсчеты сделаны по: 1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 2–3 об., 6, 9, 10, 18, 19, 20–21, 28, 32, 97, 103, 150].

30 октября 1915 г. управляющий акцизными сборами Рязанской губернии сообщил акцизному надзирателю 1-го округа о том, что из представленной ему «начальником Рязанского сыскного отделения 27 октября... копии протокола, составленного им 22 октября в селе Борках Рязанского уезда о беспорядках, вызываемых почти поголовным опьянением жителей вследствие потребления какого-то одурманивающего кваса, видно, что квас этот готовится содержанием чайной М. С. Киселевым («Базаркиным») и многими другими лицами». Далее Мартынов приказал надзирателю «...безотлагательно поручить участковому помощнику акцизного надзирателя произвести расследование, кем именно готовится в с. Борках квас для продажи. Вместе с тем, — писал далее Мартынов, — усматривая из помянутой копии протокола, что в «этом селе для спаивания населения, как можно предполагать, употребляется денатурированный спирт, ...в случае несомненно

полученных данных о торговле денатурированным спиртом в качестве напитка» надзиратель должен был «...отобрать талонные книжки на покупку этого спирта от всех, кому таковые выданы в с. Борках и вновь этих книжек никому в этом селе не выдавать» [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 80]. В январе 1916 г. местный акцизный надзор выявил в одном из сел Рязанской губернии тайное винокурение, которым занимались почти все его жители [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 293]. В то же время была выявлена широкая торговля денатуратом для питья в г. Данкове [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 295] и торговля брагой в Верейской волости Рязанского уезда, принявшая значительные размеры [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 300]. В апреле полицией была обнаружена тайная выкурка спирта крестьянином и крестьянкой одного из сел Ряжского уезда, причем сельский староста об этом знал и молчал, и даже самогонщица угощала его своей продукцией [1, ф. 143, оп. 53, д. 24, л. 312–312 об.]. 28 ноября 1916 г. начальнику Рязанского сыскного отделения был отправлен анонимный донос от одного из военнослужащих, в котором выражалась просьба «...обратить внимание на дом терпимости Лебедевой...», находившийся в Ново-Александровской пригородной г. Рязани слободе, где происходило пьянство, торговля спиртом, коньяком, мадерой и портвейном.

19 января 1917 г. по итогам расследования данного дела начальник губернии постановил: «Дом терпимости Лебедевой закрыть» [1, ф. 5, оп. 4, д. 5749, л. 1–5 об., 33]. 3 мая 1917 г. и.о. помощника надзирателя 2 округа по 4 участку доложил своему начальнику о том, что за последние 4 месяца им «произведены дознания более чем по пятидесяти протоколам о тайном винокурении, в числе которых были даже протоколы, оставшиеся неисполненными с августа прошлого года» [1, ф. 143, оп. 38, д. 51, л. 53], что, скорей всего, свидетельствует о резком росте самогонварения после Февральской революции.

В архиве Рязанской области нами обнаружены документы о разгроме в конце ноября 1917 г. Касимовского казенного винного склада, что происходило все же довольно редко, по крайней мере, в Центральном Черноземье: по Курской, Орловской и Тульской губерниям аналогичные факты нами не найдены.

25 октября 1917 г. заведующий Касимовским казенным винным складом телеграфировал, видимо, городской думе о том, что «положение признается угрожающим. Жду распоряжения». «В связи с событиями в Петрограде соединенное совещание [Касимовской городской] думы..., представителей общественных учреждений...» и начальников отдельных воинских частей 26 октября постановило: «Просить губернского комиссара распорядиться уничтожением спирта [на казенном винном складе и винокуренных заводах]. Срок ответа указан 10 вечера...» 27 октября губернский комиссар дал соответствующее разрешение [1, ф. 143, оп. 5 6, д. 3, л. 3–5]. «9 ноября... состоялось заседание избранной городской думой с участием Совета солдатских и рабочих депутатов комиссии для обсуждения вопроса о порядке уничтожения спирта и вина в Касимовском складе. По обсуждении этого вопроса комиссия постановила: 1/ Выпуск спирта из цистерн Касимовского склада произвести немедленно, начав эту работу с 10 ноября в 8 часов утра... 3/ В отношении военной охраны во время вылития спирта внешнего караула при винном складе не изменять и просить комиссара держать наготове в течение всего времени, которое потребуется на вылитие спирта, всех имеющих в его распоряжении кавалеристов; начальника милиции, присутствовавшего на совещании, просить быть наготове с милицией. ... Для уничтожения спирта была проведена система труб от спиртового мерника в фильтрационном отделении к артезианскому колодцу при паровичном отделении /колодцем этим склад со времени устройства городского водопровода в 1916 г. не

[пользовался]/..., затем спирт из цистерн был спущен самотеком по соединительным трубам в мерник фильтрационного отделения и отсюда по означенным вновь проложенным соединительным трубам в колодец. ... во все время спуска спирта колодец принимал его без отказа... Указанным порядком был уничтожен весь спирт, хранившийся в здании цистерн...; спирт же, хранившийся в подвале главного здания в бочках /около 10/, был перекачен при посредстве соединительных труб в выгреб при уборной рабочих при главном здании; в этом выгребе находилась приблизительно до половины его клозетная жидкость, с которой смешался спирт; смешанная жидкость не поднялась до уровня отводной трубы и, таким образом в канализационную сеть она не поступила. Уничтожение спирта происходило только днем при непрерывном участии членов комиссии от городского самоуправления и рабочей организации. Закончилось уничтожение спирта 16 ноября. Уничтожение его произошло без огласки о том среди местного населения. Еще до окончания уничтожения спирта комиссия, избранная для этой цели, в заседаниях своих от 11 и 16 ноября подвергла обсуждению вопрос о порядке и способе уничтожения разлива, причем 11 ноября комиссия вынесла постановление: "Способ уничтожения /битьем посуды или раскупориванием бутылок и выливанием в специально приготовленные корыта с выпуском в канализацию/ применить на месте тот, который окажется более удобным по испытанию"... Но позднее 16 ноября комиссия, вновь возвращаясь к вопросу об уничтожении разлива, вынесла другое постановление: «В целях более скорого уничтожения разлива применить способ битья посуды". 17 ноября комиссия приступила к уничтожению разлива. Прежде... акцизный надзор предложил комиссии проверить наличие напитков. Разлив... уничтожался вместе с посудой битьем ее в ящиках сначала над мочными корытами, а потом в подвале и других помещениях на месте хранения. В под-

вале вино просачивалось под пол в землю, из мочных же корыт вино поступило частью в сортировочный чан и далее по системе специально проложенных труб в артезианский колодец, а частью поступило в канализацию, сюда поступило небольшое количество, но тем не менее поглощающий колодец, которым заканчивается канализационная сеть в овраге за усадьбой склада, наполнился доверху, и 27 ноября часть жидкости выступила наружу и случайно привлекла внимание посторонних. 27 ноября комиссия приступила к уничтожению разлива, хранившегося в здании цистерн и в других надворных постройках; разлив частью уничтожался внутри здания, частью выносился во двор; вытекавшее вино выпитывалось в пол, в землю и в снег; вытекание вина за усадьбу склада при этом замечено не было, но позже, когда собравшаяся в тот же день около 12–2 часов толпа обступила склад и начала топтаться около забора, где проходит сточная канава, то из-под обмятого снега выступила жидкость, привлекавшая внимание ее. Военная охрана в складе была поставлена еще в конце лета 1917 г. и состояла из пехотинцев в количестве 4–6 человек; в то время в главном здании склада помещался госпиталь, который закрылся потом в начале сентября; в августе обнаружено было два случая хищения вина, в первый раз 8 ведер, а во второй раз 14 ведер; военная охрана не имела, по-видимому, отношения к этому хищению, и виновниками ее подозревались бывшие на излечении в госпитале солдаты; в октябре... стали ходить слухи о том, что со склада идет вино, и в конце октября пехотный караул при складе был заменен кавалеристами по распоряжению военного начальства, которое само заподозрило пехотинцев в хищении вина. С установлением охраны кавалеристами начальник ее корнет Тальников сделал распоряжение, чтобы ни лица администрации склада, ни сторожа с наступлением темноты не ходили в ту часть складского двора, где хранились в надворных строениях запасы

разлива, так как за целостность разлива всецело отвечает охрана. Заведующий складом протестовал против такого распоряжения, но безуспешно. Слухи о том, что вино со склада воруются и поступает в продажу, не прекращались, и разлив Касимовского склада действительно был в продаже в городе. 16 ноября /во время уничтожения разлива/ администрацией склада было обнаружено похищение разлива из сараев в количестве 46 ведер. Охрана из кавалеристов оставалась и во время уничтожения разлива. Вопрос об охране склада служил предметом особого обсуждения комиссии 9 и 11 ноября..., причем 11 ноября комиссия постановила: "По вопросу об охране винного склада во время уничтожения разлива остаться при прежнем постановлении — не усиливать караула и держать кавалеристов наготове, равно как и милицию. При этом в виду угрожающего положения просить комиссара не отправлять кавалеристов из города в уезд в дни, когда будет уничтожаться разлив». ... 26 ноября комиссия... признала необходимым задержать кавалеристов, по крайней мере, на неделю [после уничтожения разлива]. Во время уничтожения спирта и вина состав охраны кавалеристов колебался около 15–20 человек. При уничтожении разлива комиссия принимала меры к тому, чтобы в население не проникли сведения об этом уничтожении, и с этой целью для уничтожения разлива комиссия предполагала сначала пригласить военнопленных с тем, чтобы не выпускать их из склада до окончания работ в предупреждение возможности огласки, но затем 16 ноября комиссия постановила пригласить вместо военнопленных кавалеристов; позднее для этой же операции были приглашены служащие почтово-телеграфной конторы, которые во все время уничтожения разлива не покидали склада. Тем не менее, ввиду того, что первоначальное обсуждение городской думой вопроса об уничтожении в казенной винном складе запасов спирта и вина происходило открыто и в виду того, что уничтожение разлива по

громоздкости этой операции, многочисленности состава лиц, принимавших в этом участие и неизбежному движению и шуму внутри склада, население знало о происходящем в складе. По свидетельству начальника уездной милиции... слух об уничтожении вина пошел среди населения даже ранее начала этой операции, и со стороны населения было старание найти повинное быть /по предположению / место вытекания спирта из склада; уже в ночь с 25 на 26 ноября кавалеристы, охранявшие склад, должны были выстрелами в воздух отгонять приближавшиеся к складу группы людей, искавших спирт. До 27 ноября казалось, что несмотря на приподнятое настроение в городе, все-таки удастся благополучно довести уничтожение разлива до конца, но 27 ноября из окрестных селений пришла толпа в Продовольственную управу с требованием хлеба; не получив хлеба, толпа под влиянием агитации направилась к складу с требованием вина. В это время охрану склада составляли кавалеристы в числе около 20, бывшие в распоряжении уезкома, и милиционеры — человек 6–7; а когда толпа стала подходить к складу, то по требованию уезкома к складу были отправлены начальником милиции все свободные от наряда милиционеры. Прибывшая к складу толпа потребовала выдачи ей вина, говоря, что народное достояние уничтожать нельзя. Для объяснения с толпой прибыл городской голова, который вместе с уезком неоднократно пытался убедить толпу разойтись, но безуспешно. Для усиления охраны был вызван начальник местного гарнизона Рудаков с наличными силами пехоты, с прибытием которой кавалеристы отошли от склада. Во время смены охраны толпа успела ворваться в склад и бросилась растаскивать вино, но пехота дала залп, и толпа разбежалась со склада; тогда сами солдаты начали разбивать вино и прятать в мешки, толпа вновь осмелела, хлынула во двор и завладела складом, смешавшись с солдатами. Начальник гарнизона... один оставил склад, уда-

лясь через садовую калитку. Члены комиссии по уничтожению спирта, а также наблюдавший за складом контролер удалились со склада, лишь только показалась вблизи склада толпа, и положение склада стало угрожающим. Городской голова удалился, когда толпа ворвалась в склад. Администрация склада собралась у входа во двор жилого дома, где мимо бежала к хранилищам с вином толпа, из которой по адресу заведующего складом Семешкина неслись серьезные угрозы, и один из погромщиков угрожал ему даже расправой за уничтожение народного достояния; из опасения подвергнуться самосуду заведующий складом нашел необходимым оставить склад и выехал в соседнее село, передав своей жене ключи от кассы склада... В первую очередь расхищению подвергалось вино, а когда с ним было покончено, толпа стала тащить все, что можно было унести. ... Ночью же с 28 на 29 и утром 29 ноября, когда вино и значительная часть имущества склада были расхищены, толпа стала делать попытки проникнуть в жилой дом, где оставались..., контора и несгораемый шкаф с кассой склада. Путем убеждений... [конторщику и бывшему фельдшеру] удавалось каждый раз отклонять намерение толпы войти в жилой дом, причем неоднократно толпа выделяла из себя делегатов для осмотра жилого дома, не скрыты ли запасы вина... Так продолжалось до вечера 29 ноября, когда в городе образовалась дружина самообороны. Дружинники вместе с милицией сначала периодически очищали... склад от погромщиков, но были не в силах удержаться в складе, а затем, когда силы дружинников возросли, они к утру 30 ноября окончательно очистили склад от погромщиков и ликвидировали погром» [1, ф. 143, оп. 56, д. 3, л. 78–81]. «Помимо произведенного расхищения толпой оставшегося еще неуничтоженным в разливе вина, спирта и денатурированного — спирта в количестве [водки и спирта — 34 449, денатурата — 2 677 литров в 40°]..., громившей толпой разобрана вся без остат-

ка материальная кладовая, расхищено немалое количество порожней стеклянной посуды, а также бочек и ящиков, расхищена мебель, как столы, стулья, табуреты, растащена часть дров, ... предметы оборудования или же таковые испорчены, причем особенно пострадали арматуры аппаратов, паровых котлов, цистерн, приемочного отделения, выбита масса оконных стекол, сломано несколько дверей, рам оконных и ворот, растащена до основания вся библиотека склада, все имущество лаборатории, в большей своей части уничтожены архив складской конторы, а также бывшего 2-ого Рязанского окружного акцизного управления... Все помещения завалены ящиками и битым стеклом... водопровод за время погрома, когда склад не отапливался, успел замерзнуть... Жилой дом для служащих остался в целости и неповрежденным» [1, ф. 143, оп. 56, д. 3, л. 9–10].

Среди высших губернских должностных лиц страны рязанский губернатор Оболенский был одним из самых радикальных сторонников антиалкогольной кампании, а, скорее всего, самым радикальным; что проявилось, прежде всего, в проценте закрытых с марта по август 1914 г. под давлением губернатора питейных заведений в губернии, который был самым высоким в стране. Если бы даже в 1914 г. война и не началась, то все равно в сельской местности Рязанской губернии к сентябрю — октябрю почти вся торговля крепкими напитками была бы прекращена, чего нельзя утверждать о других регионах империи. Такая позиция начальника губернии неизбежно приводила его к трениям и столкновениям с управляющим акцизными сборами Мартыновым, который был гораздо более сдержан в осуществлении антиалкогольной кампании, но вынужденно подчинялся напору Оболенского. В остальном антиалкогольная кампания в Рязанской губернии протекала довольно типично для Центрального Черноземья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В начале данного циркуляра П. Л. Барк сообщил содержание высочайшего рескрипта от 30 января 1914 г. на его имя, в котором «на Министерство финансов возложено ближайшее попечение об утверждении в населении трезвости, как необходимой основы для развития духовных сил народа и преуспевания его производительного труда». В свою очередь министр финансов предложил управляющим акцизными сборами «безотлагательно использовать все средства борьбы с нетрезвостью населения, применение коих возможно на основании действующих законов» (Государственный архив Курской области, ф. 37, оп. 1, д. 1897, л. 1). «По историческим условиям, — писал Барк, — неумеренное потребление крепких напитков получило в населении значительное распространение... Чтобы противостоять этому... нужна непосредственная близость к населению... и дружные усилия многих преданных работников... Вместе с тем, не следует опасаться и уменьшения доходов казны от продажи питей... прежде всего... надо... остановить пристальное внимание на тех местных бытовых условиях, с которыми необходимо будет считаться... подготовить благоприятную почву для теснейшего на местах сотрудничества с представителями других ведомств и населения...» Важнейшей проблемой, обостряющей народное пьянство, министр финансов назвал незаконную перепродажу казенной водки или корчемство, на пресечение которого он приказал направить все усилия акцизного надзора. «Каждые три месяца вами должны быть представляемы в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей списки продавцов [казенных винных лавок], отличившихся в открытии корчемства с указанием числа случаев открытия для оказания им поощрения денежными наградами» (Там же, д. 1908, л. 2–3 об.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Рязанской области.
2. Российский государственный исторический архив.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoj oblasti.
2. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv.